

свое состояние на дело помощи русским революционными организациями.

Имущие классы пытались без всяких жертв выиграть тем, за что „белые“ отлаивали свою жизнь. Отказываясь добровольно отдать часть своего достояния белым, они без сопротивления отдали все по требованию коммунистов.

Белое движение было погублено теми, кто стремился к защите своих классовых интересов под прикрытием национальных идей, а вожди белых исходили не из факта революции, а из непризнания ее, почему и оказались оторванными от народных масс и их желаний; поэтому белые, встречаемые хлебом-солью до Орла, когда уже надеялись услышать „звон московских колоколов“, повернули назад, провожаемые проклятиями и выстрелами в спину, пока не „опрокинулись в море“ у Новороссийска и в Крыму.

Белые вожди искали поддержки в среде той либерально-демократической общественности, которая заполняла ее тыл и обзоры, но она сама оказалась не имеющей органической связи с народом и потому не могла одухотворить, дать идеологию и пафос белому движению, оказавшемуся „худосочным“; вообще эта общественность сама оказалась изжитой в революции за время „от февраля по октябрь 17 г.“

В гражданской войне сила лежит не столько в боевой мощи, сколько в способности привлечь на свою сторону активные элементы населения, своей идеологией заставить красные части повернуть штыки против коммунистов; вместо же этого в период Деникина пытались левыми (ка-де) людьми проводить правые мероприятия, а в период Врангеля правыми людьми хотели вести левую политику. Не было искренности, а без нее нет пафоса борьбы, — а для победы в войне, в особенности гражданской, нужен пафос, энтузиазм массы народной; эти элементы играют большую роль, чем количество бойцов.

Остатки белых „по команде“ сели на пароходы и рассеялись в эмиграции. Терпеливо вот уже 10-й год ожидают они новую команду „слушай, поход“, которая вновь снабдит их отобранным оружием, посадит на суда и отправит в обратный путь. В ожидании этого приказа и нужно было оставаться в составе „армии“, продолжать повиноваться „вождю“ и как нибудь дожить до „возвращения“.

Пережила эмиграция серию „весенних походов“ каждый раз с большими разочарованиями, чем раньше. Пережила в „американские пароходы“ ген. Краснова, с образцами животных для разводки на „опустошенной красными родине“, — подобно Ноеву ковчегу. Пере-

жила эмиграция также ставку „на истощение и голод“, т. е. на „мертвую Россию“, признанную теперь монархистом В. Шульгиным, ездившим в Сов. Россию, чрезвычайно вредной. Также пережила ставку на диктатуру в борьбе с диктатурой.

Враждебное отношение к „приспособившимся“ культурным работникам и „спецам“ теперь сменилось благожелательным отношением, как видно из письма ген. Деникина „туда“ красному.

Дольше всего переживает эмиграция — возможность иностранной интервенции, поделившись в этом вопросе на два лагеря — за и против. У крайних правых ставка на интервенцию, а от б. Главковерха Керенского до б. главнома ген. Деникина, стоящих на линии примиренчества, ставка на эволюцию большевизма.

Когда правая эмиграция увлеклась „интервенцией“, левая начала увлекаться способами мирного возвращения на родину путем соглашения с советской властью, появились „сменовеховщина“, „пешеховщина“, „кусковщина“ с ее лозунгом: „засыпайте ров гражданской войны“ и вообще „возвращенство“, также ни к чему не приведшее.

На требование не политической части эмиграции, рядового беженства, об объединении всей политической эмиграции, была устроена попытка в виде Зарубежного съезда, но туда не пошли левые, начиная от Милоскова, а из собравшихся правых стали уходить группы одна за другой, так что вместо объединения, получилось доказательство полного разединения.

Эмиграция политическая объединиться может (и то с большим трудом) на одной только отрицательной программе: на свержении сов. власти. — для последующего же времени у каждой из разбитых революцией партий, вернее у бежавших за границу „штабов старых партий“, имеются у каждого свои рецепты для устройства России, поэтому все они готовы вступить в жестокую борьбу между собой там на родине, после освобождения ее от большевизма.

Заграничные штабы разбитых революцией российских партий, надеющиеся или на сохранение чистоты партийных ряд своих приверженцев на родине, или на старое мировоззрение оставшихся там, упускают из виду то, что великие революции бывают ознаменованы духовной встряской, не оставляющей камня на камне в прежнем мировоззрении и мироощущении как „верхов“, так и „низов“ народных. В этом смысле великие революции, как русская, сходны с эпохами зарождения новых мировых религий или учений.

(Продолжение следует).

Шамба Балинов.

Казачье сегодня.

На страницах журнала „В. К.“ уже писалось, что русские крестьяне и русские рабочие являются основой и защитой советской власти и говорилось почему.

Эти самые положения теперь полностью подтвердил „спец“, приехавший два года тому назад из СССР и выступавший на днях в Праге на публичной дискуссии по докладу о „коллективизации“. Этот „спец“ (некий Петровский) отрекомендовался, что он из Черниговской губ., до революции был очень богатым человеком, при большевиках он занимал высокий пост — старшего контролера Черноморско-Каспийского флота и по своему служебному положению вращался в различных сферах советской общественности: в центре и провинциях, и самых высших советских кругах и среди рабочих и крестьян.

И что же он говорит?

— Я уже два года вращаюсь среди эмигрантов, — говорит он, — и все время никак не могу освободиться от чувства, что я попал на луну. Эмигранты, люди чрезвычайно далекие от понимания действительной жизни СССР, не знающие ее, ведут бесконечные, нудные теоретические, чисто книжные споры...

В эмиграции все ждут какого то внутреннего вос-

стания, свержения большевиков своими внутренними русскими силами. По моему, это величайшая наивность, чтоб не сказать больше. Кто будет свержать большевиков? Рабочие? Никогда! Для того, чтобы знать такое беспорочное положение, надо только уметь слагать и вычитать. Сколько получал рабочий до революции? Гроши. Квалифицированный рабочий получал 50—60 руб. в месяц, а бюджет простого рабочего сплошь и рядом не превышал 15—20 руб. в месяц и он влачил жалкое, полуголодное существование. А теперь, помимо сносной в сравнении с другими, заработной платы, рабочие обладают всеми городскими домами и бюджет его сейчас определяется сотнями рублей.

Восстанут крестьяне? Не меньшая наивность! До революции огромный процент русского крестьянства влачил жалкое существование. Крестьяне, мои соседи по губернии, имели по 4—5 десятины земли, а десятина земли стоила максимум 3—4 рубля. Следовательно, доход таких отдельных крестьянских хозяйств не превышал 14—15 руб. А таких хозяйств было большинство.

Правда, и теперь положение крестьян незавидное, но им обещают лучшее будущее и крестьяне этому верят. Для этого создаются колхозы, которые пользуются

ся всеми льготами, огромной государственной помощью. Конечно, какой то процент зажиточных крестьян этому сопротивляется, но они советской властью поставлены в такие условия, что в конце концов должны будут физически исчезнуть. И напрасно здесь, в эмиграции, кричат, что большевики губят миллионы человеческих жизней („кулаков“). На это большевики идут сознательно, ибо по их теории „в царство социализма можно войти только через группы“. Этим вспомогательным средством, ведущим в царство социализма как раз и являются группы миллионов „кулаков“.

Здесь, в эмиграции, любят много говорить о любви к Родине, России, о чувстве патриотизма, о национальной чести русских людей. Подобные заявления в СССР способны вызвать только улыбку. Я десять лет жил в СССР, изъездил его вдоль и поперек. Но, никогда и нигде ничего подобного на русское патриотическое чувство я не слышал. Там люди живут и интересуются исключительно вопросом желудка и ни о какой любви к России даже не думают. И это вполне естественно. Посмотрел бы я на любого из вас, о чем другом вы стали бы думать и заботиться, когда у вас в желудке в течение десяти лет был бы постоянный великий пост?

Интересное явление. До революции русская интеллигенция, в том числе я сам, жила хорошо, всего было вдоволь, но вместе с тем сколько было самоубийств. Но вот пришли большевики, с ними пришла страшная нужда: голод, холод, различные болезни. Мерзали, питались корой, собирали падаль, ночи напролет простаивали в очередях, чтоб получить там какие нибудь полфунта дрожного хлеба. Я сам много раз видел в Москве на Рязанском вокзале в зимнюю стужу десятитысячные очереди в ожидании какой то срундовой полочки. И ни одного недовольства, ни малейшего ропота, полное смирение со своим положением и ни одного самоубийства. И это потому, что жизнь стала интересной.

Эмигранты очень любят говорить, что большевики все разрушают. Верно, но они, разрушив, создают новое. Вы все знаете, как была развалена армия, а теперь посмотрите на красную армию! Все фабрики были развалены, машины все разрушены, рабочие разбежались. А теперь? Государственный аппарат был разрушен до конца, до основания. Вы представить себе не можете, что было в начале. Был сплошной ужас. Страшно было ходить в государственные учреждения. Везде и всюду сидели какие то хулиганы, разбойники с большой дороги, ничего о государственном деле непонимавшие. А теперь государственная машина работает без всякого перебоя. И так во всех областях государственной жизни.

— Так, примерно, говорил этот приезжий русский „спец“.*) Он не делал никаких определенных выводов, но они сами собою напрашивались: полное и абсолютное отсутствие у русских людей здорового национального чувства, искреннее, на экономической основе, примирение и защита большевиков. Сам этот „спец“ своей персоной являл яркий пример типичного русского интеллигента, у которого отсутствовало и отсутствует здоровое национальное чувство, любовь к своей Родине. Сильное дрожание рук, суетливая и ежесекундная смена очков, нервное ерзание на стуле и вся его сморщенная фигура красноречиво свидетельствовали о беспредельной забитости русского человека, всегда и мучительно думающего только об одном: чем бы плотнее наполнить желудок, как бы улучшить свое личное существование. Все это для того, чтобы сохраниться живым, чтобы посмотреть на „интересную жизнь“, на планетарный социальный эксперимент.

Что русские люди в огромном большинстве так относились и относятся к большевикам, мы знали и раньше, — утверждения этого „спеца“ являлись лишь лишним подтверждением этого. К сожалению, он не сказал ничего об отношении к большевикам других народов. Очевидно, говорить об этом не входило в его расчеты. Но мы знаем подлинное отношение этих народов к большевикам. У этих народов — казаков, горцев, калмыков и других восточных народов — религия, семейный быт, национальное чувство оказались настолько сильными, крепкими, что большевики, несмотря на все

эзотерические, страшные гонения в течение вот уже 13 лет, ничего с ними сделать не могут, пока эти народы физически будут существовать.

Вот почему совершенно не случайно, что „сплошная коллективизация“ в первую очередь проводится в Северо-Кавказском крае, в частности в Казахских Краях. Можно подумать, что это — дьявольский план: физического уничтожения Казачества, столь ненавистного большевикам, ибо полное осуществление коллективизации в Казахских Краях — значит полное физическое уничтожение казаков, но только, так сказать, на гоном основании законов.

Казаки в своем огромном большинстве являлись и являются сельскими хозяевами, имевшими (перее — именьми!) в достаточной мере живого и мертвого инвентаря для ведения самостоятельного хозяйства. По большевизкой классификации все такие хозяйства относятся в разряд „кулацкого“. Согласно же закону о коллективизации, „кулак“ не имеет права входить в колхозы, а индивидуальные хозяйства поставлены в такие условия, что абсолютно нет возможности жить.

В какое же положение попадают казаки на своей родной земле? В колхозы идти лишены права, а вне колхоза жить невозможно. Остается как будто только один выход: голодная смерть. Но, услужливый ум большевиков приходит на помощь казакам, ибо они милостиво разрешают „кулакам“, в данном случае казакам, вступить в колхозы, но только где нибудь далеко от своего края.

Таким образом, казакам остается два выхода: или голодная смерть или уезжать подальше от своей родной Земли. И это не проект там какой нибудь или план, а горькая действительность, трагическое казачье сегодня, неумолимый факт жизни.

И, конечно, как бы велика не была любовь к Родной Земле, как бы сильно ни было национальное казачье чувство, но принимать бессмысленную голодную смерть мало кто пожелает и казаки вынуждены будут уходить из своих Родных Краев, а их места будут заполняться пришлым неказачьим элементом.

Вот где грозная опасность, так непосредственно нависшая над Казачеством. Вот почему всем казакам, для кого дорого и священо родинное их Казачество, должно объединиться и, не откладывая, немедленно искать путей и возможностей спасения Казачества от надвинувшейся на него смертельной опасности.

Будут ли казаков ругать, что они ищут иностранной помощи, будут ли русские „патриоты“ клеймить казачков „погором“, что они ценою расчленения несуществующей „Великой России“ хотят спасти родное Казачество, жизнь и душу своих братьев, сестер, — пусть! Предоставим мертвым хоронить мертвых. Но, живые казаки должны спасти в смертельные тиски зажатое, в предсмертных судорогах дрожащее Родное Казачество! Все средства хороши для спасения гибнущего Казачества! Оно заслуживает, чтобы его спасли какою угодно ценою!

Врожденные пессимисты говорят и твердят, что это безнадежное дело, что никто казакам не поможет, что Казачество — пережиток прошлого, анахронизм и теперь оно должно исчезнуть, пошав под общую русскую нивелировку. Другие казаки „умники“ неустанно твердят, что если какое нибудь государство поможет казакам освободиться, то за эту помощь оно потребует, мол, огромную плату, экономически закабалит и т. д.

Пусть! Ведь ходячая избитая поговорка говорит: „ценны дело важное, об них нечего тужить“. Будет спасено Казачество, будут живы сами казаки — будут и деньги, будет чем и платить за действительную освободительную помощь.

Но, если казаки послушаются этих „умников“ и „пессимистов“, то нет сомнения, большевики просто физически уничтожат казаков. Тогда казаки, конечно, никому ничего не будут платить, экономически будут совершенно „свободны“, но казака физически, но казачьей души, но Казачества — не будет.

Конечно, кому как. Вкусы и желания бывают различные. Я лично предпочитаю быть живым хотя бы за это кое что и пришлось заплатить. Но к несчастью, есть еще некоторые „разумные“ казаки, которые предпочитают быть мертвыми, но за то никому ничего не платить.

*) Как напоминает это В. В. Шулыгина! (Ред.)